

ЭТО ЕЩЕ НИЧЕГО

ДОМ, КОТОРЫЙ МЧИТСЯ СКВОЗЬ СНЕГ, — В КНИГЕ ДМИТРИЯ ДАНИЛОВА
«ПУСТЫЕ ПОЕЗДА 2022 ГОДА»

ЮРИЙ САПРЫНИН

Журналист и критик, обозреватель издания «Коммерсантъ Weekend», в прошлом главный редактор журнала «Афиша» и руководитель образовательного проекта о русской

литературе «Полна». Автор книги о кинорежиссере Сергее Соловьеве (2022), соавтор документального фильма «Сорокин-трип» о писателе Владимире Сорокине (2019).

Человек едет в поезде и смотрит в окно. В окне ничего особенного: гаражи, пустыри, посадки. Эти бедные селения, эта скучная природа. Поезда, как правило, тоже ничем не примечательны: небольшие, на два-три вагона, составы или рельсовые автобусы, идущие по так называемым малодейственным линиям — обходным или тупиковым веткам, вдали от больших магистралей. Там пассажиропоток, и грузоперевозки, и вообще жизнь бурлит, а здесь еле теплится. Редкие пассажиры, их бессвязный разговор ни о чем, домишки, при виде которых замирает сердце. Ни в поезде, ни вокруг ничего не происходит, и говорить тут не о чем — кроме разве что сердечного замирания, а о нем словами не скажешь.

Это вообще метод Дмитрия Данилова как прозаика — поместить себя в ситуацию, где не происходит ничего. Это может быть автобусная остановка на окраине, футбольный матч с участием клуба «Динамо» или самый обычный день с его невыдающейся рутинной. Ну и далее — это не тот сюжет, где стоит опасаться спойлеров, — спокойное внимательное наблюдение неизменно обнаруживает, что внутри этого «ничего» много всякого происходит, что оно, в самой мелкой своей незначительности, тоже может быть понятным и принятым. Более того — внимательный взгляд способен рассмотреть в этом «ничего» нечто такое, что достойно любви. В самом известном тексте Данилова — пьесе «Человек из Подольска» — сотрудники ОВД объясняют случайному прохожему, как прекрасны виды, открывающиеся из окна электрички на маршруте от Подольска до Царицыно. В книге «Пустые поезда 2022 года» автор садится в такую электричку сам.

Все дальнейшее исчерпывающе описывается единственной фразой из книги: «Поезд медленно движется по болотистой местности среди унылых смешанных лесов». Это путь, который проложен среди пустоты, проходит сквозь полосу отчуждения. «В закопченное окно можно постоянно наблюдать настоящий флаг России, с тремя горизонтальными поло-

сами — серой, черной и белой. Небо, деревья и снег — больше ничего». Спектр возможных отношений к этой картинке понятен: можно просто ее не заметить (так происходит чаще всего), можно поиронизировать над этой «хтонью», разрезать этот пейзаж на картинки для мемов про «русскую безысходность». Можно с горечью признать — здесь не исправить ничего — и купить билет совсем в другую сторону. Можно пережить по поводу этой неизбежной бедности умиление или даже восторг — особенно удобный, когда испытываешь его в проходящем комфортабельном поезде. Этот набор отношений — и к окружающему пейзажу, и к России как таковой — сформировался задолго до 2022 года и, наверное, неоднократно и в разных комбинациях был пережит и автором, и его читателями. А теперь уже переживать особенно нечего: при виде проносающегося мимо «русского бедного» автор не впадает ни в ужас, ни в экзальтацию, и вообще, эти поездни затеяны для чего-то другого.

На малодейственных линиях плохо ловит связь, и в этом есть свое преимущество: «...нельзя подключить VPN, зайти в фейсбун и узнать, что в наше время... безнравственно, а... нравственно. И надо делать и говорить... а... говорить и делать нельзя, запрещено, неэтично. Хорошо не видеть, не знать этого». Эта невозможность коммуникации — по техническим или внутренним причинам — вообще кажется настроением года: ни рациональный «разбор полетов», ни моралистические увещевания, ни эмоциональное взвинчивание уже не работают, никого ни в чем не убедить и никому ничто не объяснить. У каждого свой путь, кто-то летит по магистралям Большой Истории, кто-то тащится по своей малодейственной ветке, кто-то попал под колесо, кому-то еще предстоит. Мы все больше говорим если не с пустотой, то с кругом людей, которым заранее доверяем, и эти сохраняющиеся пока очаги безусловного понимания — единственное, на что можно надеяться. Как говорили хиппи в книжке Нена Низи «Электропрохладительный кислотный текст», или ты в автобусе, или не в автобусе. В случае Данилова — в рельсовом автобусе.

Мерное движение среди пустоты без внешних раздражителей, наполненная железнодорожными звуками тишина, быстро перемещающаяся в пространстве неподвижность, вглядывание в то, где и смотреть не на что. Все это погружает в особое состояние: постепенно стихает внутренний тревожный шум, уменьшается амплитуда эмоциональных начелей. Электричка, проезжающая станцию Мга или станцию Дно, — что-то вроде флоатинг-камеры, погружающей в особую кан-бы-нирвану. Состояние, «когда так называемая реальная жизнь ослабляет свою мертвую хватку, когда тебе становятся безразличными “новости” и “события”, когда ты понимаешь, что “все ничего”». Все переживания кан-то сглаживаются этим бескрайним пространством, бесконечно длящимся во времени. Получают свой истинный масштаб.

«Все ничего» — выражение, которое сводит с ума иностранных студентов, изучающих русский; как можно понять этот коан — «everything is nothing»? Книга Данилова если не объясняет, то пристально вглядывается в этот концепт: «ничего» — это и характеристика окружающего пейзажа, и прогноз, что ждет нас в будущем, и ободряющий возглас, и выражение бесконечной готовности ко всему, свойственной русскому народу, — качество, которым якобы восхищался еще Отто фон Бисмарк и которым до сих пор пользуются его российские коллеги. Стоическое спокойствие, выраженное в словах протопопицы из жития

Авантюма — «Ино еще побредем». Принятие мира как он есть — вместе со всем, чего в нем исправить нельзя. Главная философская книга здесь должна бы называться, как шутит Данилов, «Бытие и ничего».

Рядом с датой, обозначенной на обложке, такое впадение в электрическую нирвану выглядит непозволительным эскапизмом — как быстро выясняется, это он и есть, но в более личном смысле. Во время первой поездки Бологое — Осташков — Бологое автор бесконечно звонит в ковидный госпиталь, где лежит мама, на следующих маршрутах звонить уже некуда и беспокоиться не о чем. Все. Ничего. Книга завершается прощанием — и просьбой о прощении, — адресованным маме, а все предшествующее путешествие в этом свете начинает выглядеть и попыткой заглушить собственную боль, и возвращением к себе настоящему. Это одна из вещей, которые не объяснишь и словами не передашь, но многим читателям это должно быть знакомо: особое железнодорожное блаженство в детстве, счастье от того, что дорога длинная, и она еще впереди, замороженное слежение за деревьями и проводами, щемящее чувство от вида какой-нибудь будни обходчика, где горит свет, — и мгновенно пронзающее сострадание к ее обитателю, которого вы никогда не увидите. Детство — это тоже нирвана, принятие мира таким, как он есть, а взгляды в плавающее за окном «ничего» — возможность хотя бы на секунду вернуться в потерянный рай. Если не оказаться рядом с теми, кого ты любил, то хотя бы отчасти пережить состояние, в котором был ими любим.

2022 год — это время, когда многие читатели поменяли место жительства, потеряли дом, лишились этого уютного детского тепла, без которого жизнь становится пуста и безвидна. Даже если физически дом на месте, все равно — все куда-то поехало, и неизвестно, что ждет на следующей станции. Электричка везет нас туда, куда мы не хотим. Даже если вы никогда не совершали поездку по малоделятельной линии, нажется, книга Данилова в какой-то степени — о том, что пришлось пережить в это время всем. Тревожное взгляды в пустоту. Боль от невозможности никому ничего объяснить. Горе разлуки. Тревога за тех, кого нет рядом. Желание хотя бы на секунду спрятаться от плохих новостей. Научиться смотреть в окно на проносящуюся мимо жизнь — без гнева, без осуждения, без истерики и без фальшивых восторгов. Провести этот отрезок пути так, чтобы тем нашим любимым, кого с нами нет, было за нас не стыдно. Нажется, это тоже настроение года: рельсовый автобус движется снвозь снежную пустоту, и вообще все вокруг пришло в движение, но где-то же должен быть дом. Состояние, в котором ты почувствуешь себя дома. На этой или другой ветке, не снаружи, так внутри — но когда-то же оно было. Вдруг еще будет.

